

О. А. Шемякина²СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ:
ТИПЫ ГРАНИЦ И МНОГООБРАЗИЕ «МЫ»

Готовность к восприятию многообразия мира зависит от исторического опыта взаимодействия народов с соседями, как внешними, так и внутренними. Граница разделяла и объединяла, формировала на протяжении многих веков характер взаимодействия с чуждыми, но не обязательно враждебными культурами. В цивилизационном опыте России существовал тип границы, отличной от современного понимания границы как некоего природного или искусственного рубежа (река, горный хребет, полоса укреплений), отделяющих «своих» от «чужих»³. В «условиях сибирских или южнорусских степей определить границы подобным образом часто было просто невозможно. Рубежами, пограничьем растущей России в XVI веке служили огромные пространства Дикого поля и Сибири»⁴. Но был и другой тип границы в истории России, отличный от пограничности как смежности без границ. «Пограничность с четкими границами к Западу (Северо-Западу) — это такое положение, когда с обеих сторон границы находятся однородные культурные пространства и когда существует в принципе симметрия. В отличие

от предыдущей ситуации (пограничности как смежности без границы к Востоку), четкость границ предполагает симметрию в том смысле, что соседи более или менее эквивалентны. Это не пространство, где можно потеряться, как в сибирской безбрежности, — все пространство «занято» в принципе эквивалентными культурами. Это значит, что с обеих сторон имеем дело с симметрическими конфронтациями, например: моряк–моряк, торговец–торговец, рыбак–рыбак, солдат–солдат, полководец–полководец, а не с разнородными конфронтациями, как, например, с одной стороны горожанин, военный, купец, священник и т. п., а с другой — кочевник, охотник, оленевод, шаман»⁵.

Южные границы Российской империи после Кавказской войны и военных экспедиций в Среднюю Азию вплотную подошли к зоне взаимодействия между Западом и Востоком и классическим Востоком. Русские вошли в соприкосновение с политиями, входившими в древнейшие цивилизации Азии и имевшими глубоко отличные от европейских политические традиции. Симметрия взаимодействия была схожей с пограничностью с Западом (Северо-Западом) — и тут и там можно обнаружить симметричные конфронтации: торговец–торговец, полководец–полководец и т. д. Но политические традиции и цементирующие эти общества ценности были настолько несхожими, что становятся понятными слова генерала Михаила Скобелева: «...тот владеет Азией, кто нещадно бьет ее по загривку и воображению»⁶. Это не просто манифестация силы победителя, а осознание силы противостоящего жизненного уклада, силы идей, положенных в основу отличной от русской глубокой культурной традиции. Так, например, какими бы гуманными целями ни руководствовались завоеватели, их намерения вызвали недовольство, поскольку противоречили сложившимся формам жизни, представлениям местного населения о праве и справедливости⁷. Генерал А. К. Гейнс отмечал: «распоряжения нашего правительства, которыми

² Научный сотрудник кафедры истории России до начала XIX века МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: «Конфликт и стратегии интеграции в „связанной истории“ Евразии: проблема соотношения», «О видимом и невидимом в российском социокультурном пространстве. Российский опыт в универсальном контексте», «Традиционная культура в полицентричном мире. Статья 1. Традиционная культура и современность: возможности и условия диалога. Статья 2. Традиционная культура в контексте вызовов модернизации», «Противоречия российского модернопроекта и традиционная культура. Историческое наследие и современный контекст», «Разрыв и преемственность в русской культурной традиции: опыт диалога» и др.; ряда учебных курсов по структурам большой длительности в цивилизационной истории России–Евразии.

³ Багно В. Е. Граница как категория культуры // Русская литература. 1995. № 3. С. 11.

⁴ Гумилев Л. Н. От Руси до России. СПб., 1992. С. 175.

⁵ Баак Й., ван. О границах русской культуры // Русская литература. 1995. № 3. С. 17.

⁶ Костюхин Е. А. Русские в Средней Азии: мифы и реальность // Русская литература. 1995. № 3. С. 28.

⁷ Там же. С. 27.

сопровождалось вступление русских в каждый среднеазиатский город, относительно уничтожения пыток, телесных истязаний и смертной казни, встречались с ропотом и неудовольствием»¹.

Понять и принять смысловое поле этих разнообразных типов коммуникаций, развертывающихся в таком неоднородном геополитическом контуре, возможно на путях поиска общего духовного ядра. И это был единственный выход преодоления фрагментации, конфронтации как стратегии осмысления культурного пространства, порожденного этим контуром.

Для философа А. Дугина и выходца из простонародной крестьянской среды староверов Н. Клюева важно было постоянное подчеркивание однородности пространства Святой тайной Руси с сакральными цивилизациями древности — Египта, Индии, Израиля, Эфиопии и т. д.² Н. Клюев, как отмечает Дугин, «погружается в особое состояние, в особый мир, где прошлое, настоящее и будущее пребывают одновременно, где близкое и далекое меняются местами, где умершие и живые соседствуют друг с другом в Вечном Настоящем и ведут между собой глубокие беседы — с мифами, с природой, оживленной пронзительными лучами духа, со знакомыми и незнакомыми предметами. У древних евреев эта реальность называлась „Меркаба“ или „страна колесницы“. В нее погружались и ее описывали ветхозаветные пророки Иезекииль, Исайя, Илия, Елисей и т. д. В исламе этот мир называется „Хуркаля“, это „алам-аль-митал“, „пространство воображения“, некая промежуточная инстанция между миром людей и миром богов. Аналоги этого пророческого культа можно найти практически во всех традициях и религиях»³.

Поиски Клюева священной прародины человека, магической страны истока рожают совершенно особый национализм — он универсален и трансцендентен, Клюев с нежностью и ощущением внутреннего родства описывает негров, татар, египтян⁴. Поэт и философ очень близки, поэтому, несмотря на почти апокалиптическое погружение философа в современную историю, он с внезапной, почти детской радостью реагирует на малейшие признаки возможного единения мыслящих людей. Но это частная человеческая история, принадлежащая двум удивительным людям. А вот архитектурной манифестацией единения людей является особый город, несущий в себе особое культурное пространство. «Средокрестием импульсов „Скандовизантии“ и „Славотюркии“ в Новое время выступает Санкт-Петербург... Главный храм Петербурга, Петропавловский собор, к началу XX века оказался внутри почти „равностороннего треугольника“ храмов остальных мировых религий: мечеть, синагога, дацан манифестировали континентальную всеконфессиональность Северной столицы России»⁵.

¹ Цит. по: Костюхин Е. А. Указ. соч.

² Дугин А. Г. Тамплиеры пролетариата (национал-большевизм и инициация). М.: Арктогея, 1997. С. 258.

³ Там же С. 258.

⁴ Там же С. 262.

⁵ Лебедев Г. С. «Скандовизантия» и «Славотюркика» как культурно-географические факторы становления Руси // Русская литература. 1995. № 3. С. 39–40.

И еще на одном аспекте разнообразия стоит остановиться. На множественности «мы» — разнообразии типологически схожих социальных институтов, появившихся в результате социальных инициатив, осваивающих пространство.

Институты, появившиеся в результате добровольного сплочения (промысловые и крестьянские братства, военные и религиозные братства и т. д.), были заряжены импульсом движения, истоком которого было сочетание значимости индивидуального начала (лояльность к незнакомцу, чужаку и возможность при выполнении определенных условий принятия его в братство) и коллективного начала (значимость выборности и соблюдения устава). Самоуправление, основанное на объединении человеческих ресурсов, знаний, капиталов, общности идей, рождало человека, двигающего фронт и осваивающего новые пространства, а социальные матрицы объединения, появившиеся еще в древнерусский период, понятные и усвоенные, создавали условия для множественности появления этих институтов⁶. Подобные матрицы стали опорой и для православных, ушедших в раскол и лишившихся священства в результате никонианских реформ.

В контексте рассматриваемой нами темы эта множественность добровольных объединений интересна с точки зрения влияния пространства на снятие напряжения в социальных инициативах. «Как отмечал еще В. О. Ключевский, особенность русской истории — в непрекращающемся росте, расширении ее государственной территории. В отличие от большинства государств как в Европе, так и в Азии, сравнительно рано стабилизировавших внешние границы своих территорий, а затем наращивавших плотность сети внутренних коммуникаций и центров, Россия в течение тысячелетней истории практически непрерывно развертывает коммуникационную сеть: в домонгольские времена главным образом в меридиональном направлении (север–юг), в послемонгольские — в широтном, с запада на восток. Этот процесс, имея в виду техническое оформление коммуникаций, не завершился даже в советское время (строительство БАМ)»⁷.

Разреженность социальной ткани, обусловленная фактором большого пространства, снижала напряжение восприятия многообразия «мы» в российском социокультурном пространстве. И добровольные объединения — это только частный пример того, как пространство влияло на снижение роли конкуренции в социальной жизни — места для развертывания инициативы хватало всем. В Западной Европе благотворность конкуренции, включая межгрупповую конкуренцию, таких добровольных объединений, как города, монастыри, гильдии и университеты⁸, отмечалась социологами как источник динамизации социальной жизни, развивающейся при периодическом доминировании тех или иных структур. Плотность социальной

⁶ Дорофеев Ф. А. Православные братства: генезис, эволюция, современное состояние. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2006.

⁷ Лебедев Г. С. Указ. соч. С. 38.

⁸ Хенрик Д. Самые странные в мире: Как люди Запада обрели психологическое своеобразие и чрезвычайно преуспели: пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2004. С. 354.

жизни в России существенно отличалась, но ее особенностью было то, что существовала возможность свободного включения разнообразных фронтиров в реализацию жизненных сценариев, когда социальный порядок на месте прежнего обитания оказывался нарушенным. Поясню это на примерах истории старообрядчества. Уход старообрядцев к западным границам империи, на территории, входившие в состав Речи Посполитой, или уход старообрядцев в томско-чулымскую тайгу, когда в первый год до основания скита люди тащили на себе нарты вместо лошадей, ночевали на мерзлой земле¹, предполагал совершенно разную перестройку жизни, но ставил перед исследователем задачи прежде всего не изучения конкуренции, а адаптации к новой среде обитания, рождающей множественные «мы» мира старообрядцев.

В 1760-е годы из польских пределов старообрядцев стали насильно переселять из Заднепровья в Сибирь и Алтай. Правительство Екатерины усмотрело в старообрядцах прекрасных колонистов и решило возложить на них задачу развития земледелия там, где хлеба производилось недостаточно. Земледелие пришлось осваивать в гористой местности, требовавшей использования ирригационных устройств. В Забайкалье русские крестьяне воспользовались так называемыми баргутскими канавами, древними ирригационными сооружениями когда-то обитавших там народов². Иновещерское и иноэтничное окружение не повлияло на сохранение старообрядцами религиозной идентичности, но чужой опыт хозяйственного освоения территории становился частью их повседневной жизни.

Без вековой привычки наблюдения за чужими, после ухода с освоенных территорий (бегства, ссылок, религиозного эскапизма, перемещения населения властью с целью решения военных и хозяйственных задач) на огромной территории России не появился бы опыт сосуществования разных с разными. В качестве примера властной инициативы приведу лишь

один пример решения властью проблемы комплектования гарнизона города Тобольска в XVII веке. Начальная точка движения стрельцов русской части гарнизона Тобольска находилась так далеко, что трудно себе даже представить, как преодолевалось это расстояние — стрельцы с семьями на подводах отправлялись в Тобольск из Устюга Великого (!) и Каргополя (!)³. Преодолевая такое расстояние, они становились заложниками пространства и судеб собственных семей.

Процесс креолизации (укоренения и смешения) и адаптации доминировали над процессами конкуренции — человеческие ресурсы были ограничены, пространство огромно, было куда уйти от нарушения социального порядка и было куда перемещать людей власти. Даже тогда, когда община стремилась к изоляции, она была вынуждена адаптироваться к меняющимся условиям и заимствовать полезный опыт соседей и не провоцировать конфликты — при такой разреженности социальной жизни управление конфликтом было прежде всего делом самих людей, а не воинских команд или полиции.

Среди факторов, положительно влияющих на адаптацию и креолизацию населения, важную роль сыграла консервативная роль государства, которая имела последствия для эксплуатируемых им народов. Консерваторам органически была чужда тенденция к экспроприации непосредственного производителя, к отделению его от средств производства, в отличие от, например, переселенческих колоний США. Коренные народы при всех издержках сохранились, а среди русского народа вследствие ассимиляции возникли особые этнические группы наподобие креолов⁴.

Представляется, что создание профилей исторического опыта взаимодействия народов Евразии может быть полезным для понимания пределов восприятия Другого и формирования возможностей создания условий для полноценного диалога.

¹ Дутчак Е. Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности тасежных общин староверов-странников (вторая половина XIX — начало XXI в.). Томск, 2007. С. 179–180.

² Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Алтая и Забайкалья: опыт сравнительной характеристики. 2-е изд., испр. Барнаул : Изд-во БЮИ, 2001.

³ Пузанов В. Д. Формирование гарнизона города Тобольска (конец XVI — XVII в.) // Вестник угроветения. 2014. № 1 (16).

⁴ Агеев А. Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М. : Аспект Пресс, 2005. С. 293–294.